

1917–2017

М.А. ФЕЛЬДМАН

В преддверии столетия Октябрьской революции. Некоторые итоги исторических исследований

В статье рассмотрены основные направления развития историографии Октябрьской революции 1917 г. в России за последнее десятилетие. Сделаны выводы о характере и движущих силах революции. Обращается внимание на развитие мифологических тенденций в современной исторической литературе. Указаны позитивные изменения в историографии Октября 1917 г. Приведены доказательства ведущей роли армии в октябрьских событиях. Отрицается пролетарский характер революции в России. Прослежена связь неравномерности индустриального и капиталистического развития регионов России и динамики революционных событий осенью 1917 г. Развивается тезис о том, что развал империи спровоцировал самые примитивные формы социальной агрессивности в наиболее запутанных формах – от левого радикализма до воинствующего национализма.

Ключевые слова: историческая наука, Октябрьская революция, Россия, социализм, армия, пролетариат, национальные отношения, либералы, переворот.

Нет сомнения в том, что в 2017 г., так же как и в 2007 г. (см., например, [Материалы... 2008, с. 167–211]), пройдут многочисленные конференции историков, посвященные столетию революции в России в октябре 1917 г.; будут опубликованы научные и “околонаучные” монографии обобщающего характера; прозвучат выступления политиков о значимости, произошедшего осенью 1917 г. в российской столице. Но уже сегодня (эти строки пишутся в сентябре 2016 г.), в предъюбилейную осень просматриваются определенные черты, характеризующие последнее десятилетие исторических исследований Октября 1917 г.

Два предшествующих десятилетия у историков были насыщены революционными изменениями в методологии (в большей степени сопровождавшиеся отбрасыванием старых подходов, чем созданием новых); появлением иной степени открытости и доступности документов; глубиной воздействия взглядов и подходов зарубежной историографии; пестротой исторических оценок, а (на рубеже столетий) порой и паническими заявлениями о “кризисе исторической науки”. Десятилетие же (2008–2016 гг.) в исследовательской среде преобладает эволюционный характер в анализе октябрьских событий. Этот общий тренд не могут поколебать нередкие попытки

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

идеологического воздействия отдельных представителей властных структур на определение причин, движущих сил и результатов Октябрьской революции. Не претендуя на полноту обзора историографии, выделяю основные узлы исторических исследований в рассматриваемой сфере.

Пожалуй, наиболее очевидные позитивные перемены следует отнести к изучению взаимосвязи Первой мировой войны и событий 1917 г. в России. Ряд историков со всей категоричностью трактуют драматический период 1914–1920 гг. как единое целое. Это позволяет выделить закономерности милитаризации общества по многим направлениям.

Возрастание роли армии до уровня одного из важнейших политических институтов – стержневая мысль четырехтомной монографии О. Айрапетова “Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)” (Москва, 2014–2016). Колоссальные усилия государственных органов, предпринимателей и общественных организаций по мобилизации промышленности на военные нужды действительно *в определенной степени* (но не более!) способствовали насыщению вооруженных сил России оружием всех видов, боеприпасами и продовольствием [Поликарпов 2015, с. 19, 117, 128]. Именно этот факт истории – представители патриотического направления, выдают за достижение единства армии и тыла в “Отечественной войне” и повышение боеспособности российской армии до уровня, необходимого для победного ее завершения [Первая мировая... 2014, с. 5].

К примеру, В. Никонов [Никонов 2011], обильно цитируя труд глубокого знатока состояния военной промышленности России первых десятилетий XX в. В. Поликарпова, сознательно не замечает *главный вывод* монографии “От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века” о сохранении широкомасштабной зависимости русской действующей армии от военных поставок из Франции; о частичном и далеко не полном удовлетворении потребностей фронта из-за качественного отставания российской промышленности от германской.

Отсутствие значимых (и воспринятых обществом и командным составом армии) целей и задач войны со стороны России [Айрапетов 2014, с. 15] обернулось к 1917 г. *отчуждением армии от своего монарха*. Речь не только о солдатских массах, на своем опыте осознавших бессмысленность войны, но и о позиции генералитета, присоединившегося в декабре 1916 г. к заговору с лидерами либералов для подготовки дворцового переворота [Айрапетов 2003, с. 195, 204, 224]. Этот шаг членов высшего командного состава, вступившего в Мировую войну, разрываемого межличностными конфликтами, отягощенного компромиссами, не сгладившими ни одно противоречие [Айрапетов 2014, с. 13], был вызван не только осознанием масштаба чудовищных потерь, ответственности за потерянные регионы страны, некомпетентности и нерешительности высшего руководителя, но и глубиной технического отставания страны от Германии из-за сохранения докапиталистических укладов и отношений в экономике [Поликарпов 2015, с. 117, 128], принципиальной разницей в образовательном уровне солдатских пополнений воюющих армий, сроков подготовки армий к Мировой войне [Айрапетов 2015, с. 279].

Отчуждение армии от царя, полностью ей доверявшего, означало, что к 1917 г. армия, из одного из важнейших политических институтов превращалась в наиболее значимый, решающий. Из опоры государства – в вершительницу государственного устройства. **Судьба Российского государства фактически оказывалась во власти многомиллионной армии.** Если командование вооруженных сил свою судьбу связало с лидерами буржуазных партий, то ведущие буржуазные политики, точно так же, как и представители всех социалистических группировок, рассматривали армию как механизм для осуществления своих политических амбиций.

Тезис об ответственности руководства России в развязывании империалистической войны (пусть и меньшей, чем Германии) [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 69], подвергается постоянным атакам. Но как иначе оценить многолетнюю подготовку захвата Проливов и Константинополя? Подготовку на грани авантюры, провоцирующую

внешнеполитических потенциальных противников России [Шацилло 2000, с. 7–12]. Разработка подобных планов дезавуирует попытки публицистического плана придать участию России в Мировой войне характер “Отечественной”.

Для понимания действий, роли и судьбы либералов в событиях 1917 г. методологическое значение имеет тезис В. Согрина о возможности соединения либерализма и экспансии. Экономический либерализм, бывший издавна важнейшей американской цивилизационной ценностью, которую США предложили миру в качестве ценности универсальной — не только в XIX в., но и в последующие времена, оказался способом *имперской экспансии*. При этом территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. Так, подчеркивает Согрин, *сплавлялись идеи либерализма и экспансии, заключавшей в себе имперский ген* [Согрин 2013, с. 62, 64]. В России модернизация и либерализм оказались не только не чуждыми милитаризму и имперскому пути развития, но, судя по внешнеполитическим доктринам и конкретным действиям кадетов и октябристов в 1914–1917 гг., переплелись с государственным курсом сначала Российской империи, а затем и Российской республики. Как отмечает В. Шелохаев, в присоединении Константинополя и Черноморских проливов российские либералы видели главную национальную задачу(!) [Первая мировая... 2014, с. 19].

Вышедший в свет в 2014 г. проект издательства РОССПЭН “Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество 1914–1918 гг.” в 4-х томах убедительно доказывает: *подлинная либеральная парадигма* — “идея всечеловеческого единства и общечеловеческой культуры” и в 1914 г., и в 1917 г. мало сочеталась с милитаристскими планами кадетов и октябристов под любыми благородно звучащими предложениями. По мысли В. Булдакова, в условиях Мировой войны великодержавной стала и либеральная интеллигенция. Репутацию “главнейшего империалиста” скоро заработал именно лидер кадетов П. Милюков. Иные либералы готовы были “переплюнуть” самых крайних шовинистов [Булдаков 2010, с. 27–28].

Сохранение имперских начал у российских либералов и в период марта–октября 1917 г. не вызывает сомнения: во многом прежние государственные институты, внешнеполитические договоренности, планы министерств в экономической сфере и по экспансионистскому захвату чужих территорий практически не изменились. Лидеры кадетов и октябристов, прогрессистов с марта 1917 г., заняв министерские посты во Временном правительстве, стали *заложниками поддержки экспансионистского курса*. Политики из либерального лагеря, выступавшие против императора, ничего не имели против империи и продолжения империалистической войны, даже не предполагая, что опора империи — армия — была истощена чудовищной войной физически и психологически.

Рассматривая на региональном и общероссийском материале проблему взаимодействия власти и общества, О. Поршнева обоснованно заключает, что успех в решении сложных задач национальной мобилизации был невозможен без высокой эффективности государственного управления, тесного сотрудничества и взаимного доверия власти и общества, легитимности власти в глазах широких слоев населения. В реальности же, на третьем году мирового конфликта стал зримо проявляться социально-психологический кризис доверия к власти, приоритетными для большинства населения оказались социальные проблемы, а патриотические настроения сменили апатия и разочарование в войне [Поршнева 2014].

Монография В. Булдакова и Т. Леонтьевой “Война, породившая революцию” (2015), указывает на социально-психологические особенности российской армии в начале 1917 г., которая представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров — насчитывалось 9620 тыс.; еще от 1,5 до 2,3 млн солдат и офицеров находились в запасных частях военных округов. В армию хлынули уголовники, амнистированные в связи с желанием защитить “свободную Россию”. Наиболее частым диагнозом тех, кто успели повоевать, был психический невроз; многие фронтовики страдали депрессией. “Революция обеспечила временную перверсию перманентной

угнетенности в социальную эйфорию”. Приказ № 1 превратил эту эйфорию в саморазрушающий процесс [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 472, 477].

Реализация идеи мести офицерам со стороны солдат уже в “свободной России” расколола армию на два враждебных лагеря, а широкомасштабное увольнение под давлением Советов весной 1917 г. (до 60% высших армейских офицеров), подписанное военным министром А. Гучковым, сузило до предела возможности командного состава восстановить дисциплину в армейских рядах. После подавления в конце августа 1917 г. выступления генерала Л. Корнилова реальная власть в вооруженных силах оказалась в руках солдатских комитетов, объединивших до 150 тыс. человек, превратившихся летом 1917 г. в “политиков”, ориентированных на Советы [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 473, 477, 541]. “Большевизация Советов” в сентябре 1917 г. указывала на потенциальный вектор предстоящих событий. Армия не желала больше воевать, и *любая власть — монархическая или либеральная, социалистическая или какая-то иная — становилась только враждебной помехой.*

Глубокие негативные последствия в ходе войны имело враждебное отношение бюрократического аппарата империи к проявлениям частной инициативы. Россия оказалась единственной из воюющих держав, где конфликт между государством и частным бизнесом не прекращался, превращаясь в **повседневную практику столкновения элит.** “Выход из положения” — **секвестр частных предприятий** применялся во многих воюющих странах, но только в Российской империи он приобретал идеологически-политическую окраску. Власть не останавливалась перед ликвидацией ряда центров монополизации [Поликарпов 2008, с. 75, 164, 432], подпитывая опыт будущих “преобразователей”. Продолжение войны заставило Временное правительство, на словах отмежевываясь от прежнего курса в экономике, продолжить бюрократическую практику военно-мобилизационных мероприятий, *теряя доверие и поддержку организаций промышленников, то есть своей основной социальной опоры.*

В рассматриваемое десятилетие вышел в свет целый ряд монографий, посвященных лидерам либерального лагеря и партий умеренных социалистов. В двух из них, посвященных жизни А. Керенского [Тютюкин 2012] и П. Милокова [Чернявский, Дубова 2015], на мой взгляд, наиболее удачных, прослеживается трагедия и политической, и человеческой судьбы тех, кто, став заложником партийных доктрин, принятых в иную эпоху, оказались чуждыми собственным партиям и, в конечном итоге, своей стране.

Новый порядок налогообложения, при котором дореволюционные ставки подоходного налога выросли в 1,5–2,5 раза, вызвал крайне негативную оценку представителей российской буржуазии, усилив отток капиталов за границу. Более того, к августу 1917 г. финансовая система оказалась парализованной прекращением налоговых поступлений: население Российского государства перестало выполнять свои обязанности. Правительство оказалось в безвыходном положении: без зарубежных кредитов оно не могло существовать; кредиты же могли предоставляться только при условии продолжения войны [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 518, 526, 636]. В такой ситуации армия должна была наиболее внимательно прислушаться к той политической силе, которая открыто выступала с лозунгом прекращения войны. Такой силой с апреля 1917 г. оказалась большевистская партия.

В статье А. Медушевского “Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории” [Медушевский 2013^а] большевизм характеризуется как экстремистское и террористическое движение. Справедливость подобной характеристики не вызывает сомнения у большинства современных исследователей, за исключением почитателей коммунистического учения. Между тем сам автор справедливо указывает на необходимость основательных исследований *двойственной* природы феномена большевизма, обращая внимание на распространенность определения большевизма как гибрида архаичного сознания и модернизации, характерного *двойственным* отношением к науке, сочетанием ретроспективного социального идеала (коммунизма) с попыткой рационально обоснованного социального конструирования

новых отношений и использованием для этого мобилизационных технологий [Медушевский 2013^b, с. 116].

В самом деле, если дело ограничилось только идеями и традициями революционных радикалов XIX в. — большевизм не вышел бы за пределы террористической малоизвестной секты. Даже тесное взаимодействие с рабочим движением (и, без сомнения, манипулирование им), сформировавшее такое массовое явление, как “большевизм социальных низов”, не вывело бы большевизм в крестьянской стране за пределы небольшой партии, известной разве что в ряде пролетарских центров. Только использование знамени антивоенной пропаганды и беззастенчивое заимствование популярных лозунгов эсеровской партии по крестьянскому вопросу, в сочетании с использованием современных (для 1917 г.) информационных технологий позволило большевикам превратиться в ведущую политическую организацию России, в поразительно короткий срок утвердившуюся в Советах, профсоюзах и в армии.

Можно говорить о примитивизме понятий в большевистской доктрине; широко распространенных уравнилельных требованиях и квазирелигиозных убеждениях “низового большевизма” — главное заключается в том, что сторонники В. Ленина выдвинули два основных, простых и понятных лозунга (“прекращение войны” и “земля — крестьянам”), которые хотели услышать массы — и, используя мобилизационные технологии, получили поддержку большинства населения. **По сути, требование “пролетарской революции” оказалось на втором плане** именно потому, что было обращено к малочисленным промышленным рабочим России. Вопрос заключался даже не столько в малочисленности тех, кого большевики называли “рабочим классом”, но, как отмечалось в монографии С. Постникова и М. Фельдмана (2009 г.), в глубокой разнородности этого социума; в том, что немалая часть российских индустриальных рабочих в 1917 г. в провинциях вовсе не являлась “пролетариями”: они владели и собственным жильем, и земельными участками [Постников, Фельдман 2009].

Классический пролетариат (даже разбавленный пополнениями Мировой войны) находился прежде всего в столицах, главным образом в Петрограде. Именно с этой частью рабочего социума на протяжении двух десятилетий было связано радикальное течение марксистского движения в лице большевистских организаций [Постников, Фельдман 2009, с. 100—102, 304—305]. К ней обращены слова Ленина о *прочных корнях большевизма в рабочей среде*. Следует говорить и о тысячах молодых рабочих, поверивших свою судьбу с большевистской партией. Отчасти этим объясняется тот факт, что при стремительном, в несколько дней, захвате власти в столицах процесс установления советской власти в провинциях растянулся на долгие месяцы.

Но почему же отчасти? В монографии Булдакова “Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917—1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ” впервые комплексно исследован **национальный аспект революций 1917 г.** — исключительно важный для понимания событий Октябрьской революции. Имперский “обруч” был сдерживающим фактором на пути центростремительных тенденций в национальных регионах России, столь различных по религиозным, образовательным, экономическим, культурным признакам. Автор подчеркивает, что именно развал империи провоцировал самые примитивные формы социальной агрессивности в наиболее запутанных формах, поскольку в годы Первой мировой войны силы капиталистической саморегуляции, которые до этого удерживались в рамках наций-государств и империй, выплеснулись наружу [Булдаков 2010, с. 5, 8].

Самой конфликтогенной оказалась территория Украины. Угроза таилась в шокирующих этнокультурных диспропорциях на территории Малороссии: в городах преобладали русские и евреи; в сельской местности помещиков представляли главным образом русские и поляки. В государственно-административном аппарате преобладали русские (47%), в торговле — евреи (48%), украинцев было всего 13%. Столетиями присутствие армии сдерживало сепаратистские настроения в национальных районах. Однако за годы Первой мировой войны (второе полугодие 1914 г. — 1916 г.) в вооруженные силы России

были призваны: 12,75 млн новобранцев, в том числе от 600 до 650 тыс. поляков, 400 тыс. евреев, 350 тыс. грузин, 350 тыс. азербайджанцев, 250 тыс. литовцев, 180 тыс. латышей, 120 тыс. армян, 100 тыс. эстонцев. Общее количество солдат-мусульман составило 1 млн человек [Булдаков 2010, с. 22, 126]. Оружие получили, в частности, 850–900 тыс. поляков и литовцев, среди которых традиционно были распространены антирусские настроения. В такой ситуации (нередкий случай в истории империй) *дисциплина в многонациональной армии сохранялась только в условиях успешных боевых действий*.

Февральская революция стала, помимо всего, и громадным психическим потрясением для российского населения. Народ отказался от правил прежнего имперского существования. С весны 1917 г. быстро окрепшие национальные движения стали выдвигать требования автономии. В монографии Булдакова убедительно показано, что социалистические партии (как национальные, так и леворадикального толка) своекорыстно использовали требования автономии для усиления своих позиций в политической борьбе [Булдаков 2010, с. 179, 181, 279]. О значимости указанной тенденции говорит тот факт, что *национальный вопрос (проблема полномочий Центральной рады) раскол и чрезвычайно ослабил Временное правительство*, послужив причиной (точнее, поводом) правительственного кризиса 2 июля 1917 г.: кадетские министры, не согласившись с договоренностями социалистов с Центральной радой, вышли из коалиционного правительства.

Роковым для правительства А. Керенского стало создание армейских соединений по национальному признаку, фактически не подчиняющихся Верховному командованию: с конца августа 1917 г., вопреки выработанным планам “национализации”, армия стала неуправляемой. Лидеры национальных движений, получив в свое распоряжение “национальные” вооруженные формирования (характерно в этой связи решение Временного правительства осуществить украинизацию 20 армейских дивизий (!)), фактически приступили к тому, что в другой исторической эпохе будет названо “парадом суверенитетов”. *Уже в сентябре 1917 г. стало ясно, насколько эфемерна власть Временного правительства в национальных регионах*. Булдаков обращает внимание на степень беспринципности леворадикальных партий в борьбе за власть, на готовность поддержать любую акцию, идущую вразрез с устремлениями “буржуазной” власти: так, большевики, поддержав украинских националистов, предложили Центральной раде перейти к сепаратным переговорам с Германией о мире [Булдаков 2010, с. 315, 375, 404, 458–461]. Результаты подобного импульса правительству Ленина придется подсчитывать в Брест-Литовске в марте 1918 г.

Если к февралю 1917 г. армия была уже слабоуправляема, то в сентябре 1917 г. она превращается в конгломерат национальных вооруженных формирований и соединений, частей, подразделений, подчиняющихся Советам. Это означало, что к октябрю 1917 г. власть Временного правительства стала эфемерной не только в национальных окраинах, но и на большей части территории России. Вывод об определяющей роли армии в революционных событиях февраля–октября 1917 г., казалось бы, бесспорен. Но он нередко остается вне поля зрения исследований последнего десятилетия. Заданность идеологического вектора (прямая или косвенная) оборачивается доминированием *теории заговора либералов*, определившим революционный процесс 1917 г. Книга Никонова “Крушение России. 1917” фактически выстроена вокруг тезиса “на массовый протест могут подвигнуть только элиты” [Никонов 2011, с. 494, 600].

При этом Никонов – автор увлекательно написанной монографии, не замечает, что в качестве доказательства приводя резолюции, постановления, петиции либеральных политиков на рубеже 1916–1917 гг., тут же дезавуирует их тезисом о “мизерности сделанного Гучковым и другими незадачливыми буржуазными заговорщиками” [Никонов 2011, с. 514]. При таком подходе многочисленные протестные выступления промышленных рабочих с экономическими и политическими требованиями 1917 г. рассматриваются не как выход рабочих масс на самостоятельную политическую сцену под руководством социалистических партий, изменивший конфигурацию политических сил в стране, а всего лишь как фон действий либералов. Немногое меняет

и оговорка автора: “Готова революцию сверху, оппозиционеры привели в действие механизм русского бунта” [Никонов 2011, с. 601].

Попытка объяснить революцию 1917 г. “заговорами элит” — отнюдь не чисто российское изобретение. Легенда об “ударе кинжалом в спину” либералов и социалистов как причине поражения германской армии в 1917—1918 гг. прочно вошла в немецкую историографию уже с 1920-х гг., что не мешает современным серьезным исследователям относить ее к разряду мифологии [Цимбаев 2016, с. 133—135].

Создание мифов — видимо, постоянная болезнь мировой исторической науки: к исследованиям обращаются не только профессионалы. В этой связи монография Б. Миронова “Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информатизации” [Миронов 2013^b] привлекает не только страстью и полемичностью: развенчание мифов на основе научных методов познания — актуальнейшее направление в современной исторической науке.

Масштабные выступления рабочих Петербурга летом 1914 г., зимой и осенью 1917 г. объединяло одно, но очень серьезное обстоятельство: прочность корней леворадикальных организаций в рабочем столичном социуме. Подобно тому, как германская армия на базе многочисленного корпуса унтер-офицеров легко развернула кадровую армию, большевистская партия за февраль — октябрь 1917 г. смогла десятикратно увеличить свои ряды.

Неустойчивый (и мифологизированный) характер “двоевластия” [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 480], размах забастовочного движения рабочих (ни масштаб, ни содержание забастовочного движения рабочих России не позволяют говорить о стремлении рабочего класса страны к революции) [Фельдман 2012]; существование солдатских комитетов в армейских частях и соединениях; агрессивный характер требований фабзавкомов промышленных предприятий [Чураков 1998, с. 50—56, 79—87], сепаратистские тенденции в национальных районах, наличие систем и подсистем Советов всех уровней, с сентября 1917 г. все громче выдвигавших антиправительственные требования, создавали угрозу целостности российского государства, но не означали неизбежности леворадикального переворота. Характерно, что, например, к концу октября 1917 г. лозунг “Вся власть Советам” поддержала только половина из 216 Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов Урала (без учета волостных крестьянских Советов). Противоположные подходы Советов по важнейшим политическим вопросам показывали глубину социальной неоднородности как общества в целом, так и рабочего социума и свидетельствовал о возможности альтернативного варианта развития событий.

Что же определило реальное развитие исторических событий в последние дни октября 1917 г.? Решающим фактором стали действия армии, точнее солдатских масс, позволивших увлечь себя антивоенными лозунгами леворадикалов (большевиков и левых эсеров). Если до октября исход противоборства в послефевральских событиях 1917 г. демократической и антидемократической тенденций был неясен, то в октябре критическая точка — способность Временного правительства контролировать национальные районы, воинские формирования, финансовую сферу — была пройдена. Приходится сожалеть, что и спустя 30 лет после Октябрьской революции экс-премьер Керенский утверждал обратное, упирая на то, что “в России был заложен фундамент демократического государства на основе глубоких социальных реформ” [Керенский 2014, с. 245].

Активное, в масштабах страны, “включение” леворадикалами армии в политическую жизнь страны, использование ими антивоенных настроений солдатских масс изменили вектор развития российского государства. Прямая поддержка армии большевизированными рабочими в рядах малочисленных и плохо вооруженных отрядов Красной гвардии [Фельдман 2012], и косвенная — национальными движениями — играли в данном случае уже второстепенную роль. Армейские части и морские экипажи стали главной силой Октябрьского переворота.

По неполным данным, численность Красной гвардии накануне Октября составляла в России не более 75 тыс. человек [История... 1984, с. 81, 116]. По подсчетам, около 10% промышленных рабочих Петрограда, 5% промышленных рабочих России в октябре

1917 г. приняли участие в Октябрьском вооруженном восстании [Постников, Фельдман 2009, с. 304]. *Активное* политизированное леворадикальное меньшинство рабочих вскоре получило *пассивную* поддержку большинства пролетариев столиц на выборах в Учредительное собрание: за меньшевиков проголосовали 3% жителей Петрограда и Москвы; за большевиков, соответственно, 45% и 50% [Спирин 1987, с. 252, 293, 298].

По фундированному мнению С. Ярова, изучившего на всех уровнях жизнь рабочих коллективов заводов и фабрик Петрограда в 1917 г., “падение интереса к политическим событиям, равно как и нежелание в них участвовать на стороне какой-либо партии, наметились (у рабочих столицы. — М.Ф.) уже к середине осени 1917 г.”. Элементы политической апатии в рабочей среде стали заметны еще до Октябрьского переворота — в дни усиленной вербовки рабочих в ряды Красной гвардии. “В массе своей, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, питерский пролетариат не участвовал в Октябрьском вооруженном восстании” [Яров 2014, с. 100]. Надеюсь, что этот вывод безвременно ушедшего талантливого исследователя рабочей тематики — Ярова — прочно войдет в современную историографию. Как и в 1905 г., широко используя социалистические и общедемократические лозунги, большевикам удалось привлечь для антиправительственного выступления главным образом часть рабочей молодежи [Фельдман 2012].

Выход России из войны потенциально означал прекращение процесса деклассирования рабочих промышленности. Представители столичных крупнейших предприятий первыми высказали свою политическую волю, призвав большевиков к созданию однородного социалистического правительства. Идея коалиции социалистов была поддержана не только профсоюзами, но и самыми массовыми на тот момент органами рабочего самоуправления и рабочего контроля — фабзавкомками. Вместе с тем, проявляя заметную политическую неустойчивость, рабочие были готовы отказаться от политических требований взамен на компенсацию в экономической сфере, например на узаконивание крайне радикальных требований рабочих о повсеместном введении рабочего контроля на предприятиях [Чураков 2004, с. 26—27, 30, 36—39].

Октябрьский переворот в столице был только верхушечным явлением социальной революции в России. Водоворот Мировой войны обусловил преимущественно антивоенный формат Октябрьской революции: выбраться из воронки цивилизационной катастрофы Россия могла уже только путем одностороннего выхода из войны. Все достижения довоенной модернизации (равно, как и ее издержки) [Миронов 2013^a, с. 27—29] в конкретно-исторической ситуации осени 1917 г. стали вторичны. Антивоенный формат революции включил в себя требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, вошедшие в первые декреты Советской власти.

В мифологизированной советской истории эти документы получили название “первых социалистических преобразований”. Даже беглый анализ указанных декретов свидетельствует: ни о какой “пролетарской революции” речи не идет. За прошедшее столетие стало отчетливо видно: словесная эквилибристика официоза историков советской эпохи скрывала как общедемократические нормативы, реальное исполнение которых зависело от многих обстоятельств, так и сущностное содержание происходящего, подмеченное Булдаковым: *синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложноорганизованной имперской системы* [Материалы... 2008, с. 170—173]. Империя как форма существования многонационального государства на огромной территории в рамках определенных веками международных отношений, не могла исчезнуть бесследно. Турбулентность Мировой войны 1914—1918 гг. привела к чудовищной “болтанке” и даже разрушению конструкции российского государства. Однако “принципиально” новое государство было выстроено из имеющихся элементов и материалов во многом по образцу прежнего.

Фраза “большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров” [Булдаков, Леонтьева 2015, с. 666], знаменательна и имеет отношение не только к событиям первых послеоктябрьских месяцев. Воинственность коммунистической идеологии,

направленной на разрушение старого мира на всей планете, стала своеобразной базой восстановления российской империи в оболочке социалистических одежд и лозунгов пролетарского интернационализма.

Подводя итог, следует отметить, что столетний юбилей Октябрьской революции стал примечательным и для отечественной, и для зарубежной историографии. Во-первых, характерен уход от полярности оценок событий Октября 1917 г. Не только “западные историки перестают проклинать или славить русскую революцию 1917 г., они начинают ее изучать, как это произошло намного раньше с английской и французской революциями” [Никонов 2011, с. 24]. И отечественные историки с самых различных сторон и аспектов продолжали исследование драматической страницы российской истории. При этом исключительно широкий спектр причин и проблематики революции – от всеобъемлющих до узких (например, в указанных трудах Булдакова) – может верно указывать на направления системного кризиса империи, а затем и Временного правительства, но не в состоянии выделить основную причину Октябрьской революции. В этом нет ничего трагического: в сравнении, скажем, с историей английской революции, у российских историков есть в запасе еще два с половиной столетия. Во-вторых, очевидно воздействие идеологизации ряда исторических трудов. Абсолютизация “теории элит” и ее отражение (поразительное для выходцев из СССР), понижение самостоятельной роли народных масс не раз посещали историческую науку. Еще одно порождение “теории элит” – “теория заговора” (масонского, либерального, леворадикального и т.д.), как правило, связана с эклетическим подходом к накопленному историческому знанию. В-третьих – и в этом я вижу главную заслугу прошедшего десятилетия – в прошлое уходят мифы о “социалистическом” и “пролетарском” характере Октябрьской революции, о закономерности краха буржуазной республики. В-четвертых, обратим внимание на то, что введение широких политических и социальных прав в Советской республике после Октября 1917 г. (как и в Германии, в Веймарской республике после Ноябрьской революции 1918 г. [Цимбаев 2016, с. 134]) при сохранении в той или иной (явной или скрытой) форме имперских начал, оказывается недолговечным. История показывает, как легко девальвируются социальные достижения в угоду внешнеполитической экспансии.

Наконец, длительность сохранения в России имперского курса и государства-империи обусловила тот факт, что либеральные, демократические требования, социалистические лозунги “переплавились” и вписались в тело коммунистического режима, воссоздав “империю” нового вида, у которой задачи модернизации, развития экономики и культуры причудливо сочетались с экспансионистскими программами.

Проблема заключалась в том, что социалистический проект – симбиоз модернизации и утопии – с самого начала оказался в институциональной ловушке, связанной с выбором точки неэффективного устойчивого равновесия и появлением в ходе широкомасштабных институциональных трансформаций внутри государства устойчивых неэффективных норм и неэффективных институтов. Важнейшим следствием возникновения институциональной ловушки стал перманентный запаздывающий и неадекватный способ реагирования на вызовы внешней среды. На поведение системы оказывали определяющее влияние схемы и стереотипы, черпаемые из арсенала *прошедшего* времени, тогда как идущие извне вызовы характеризовались принципиальной новизной, вызывая лавинообразный рост неопределенностей [Скоробогачский 2011], собственно, и погубившие “завоевания Октября” при попытке реформирования социалистического государства.

Истекающее десятилетие – последнее перед столетним юбилеем – лишено сенсационных научных и псевдонаучных открытий. Оно не избежало влияния политизации и идеологизации. Тем не менее эти годы стали временем плодотворного поиска российских историков. Смена вектора развития означала осуществление в Октябре 1917 г. самостоятельной революции и начало принципиально нового этапа цивилизационного развития. В октябре 2017 г. начинается очередное столетие научного изучения советского эксперимента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айрапетов О. Р. (2003) Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М.: Модест Колеров, Три квадрата.
- Айрапетов О. Р. (2014) Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М.: Издательство КДУ.
- Айрапетов О. Р. (2015) Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. 1915 год. Апогей. М.: Издательство КДУ.
- Булдаков В. П. (2010) Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М.: Новый хронограф.
- Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. (2015) Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф.
- История советского рабочего класса (1984). В 6 т. Т. 1. М.: Наука.
- Керенский А. Ф. (2014) Потерянная Россия. М.: ПРОЗА и К.
- Материалы круглого стола “Российские революции: 90 лет спустя”. 23 и 30 октября 2007 г. в ИРИ РАН (2008) // Отечественная история. № 6. С. 167–211.
- Медушевский А. Н. (2013^a) Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 114–126.
- Медушевский А. Н. (2013^b) Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 111–120.
- Миронов Б. Н. (2013^a) Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социс. 2013. № 10. С. 29–39.
- Миронов Б. Н. (2013^b) Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир.
- Никонов В. А. (2011) Крушение России. 1917. М.: АСТ.
- Первая мировая война: Историографические мифы и историческая память (2014). В 3-х кн. Кн. 3. Вторая Отечественная война. М.: Российский институт стратегических исследований.
- Первая мировая война в оценке современников: Власть и российское общество 1914–1918 гг. (2014) В 4-х т. Т. 3. Либеральный взгляд на войну. Через катастрофу к возрождению. М.: РОССПЭН.
- Поликарпов В. В. (2008) От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М.: Индрик.
- Поликарпов В. В. (2015) Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрополиграф.
- Поршнева О. С. (2014) Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) М.: ИРИ РАН.
- Постников С. П., Фельдман М. А. (2009) Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1914–1940 гг. М.: РОССПЭН.
- Скоробогачкий В. В. (2011) Институциональные ловушки в политике // Вопросы политологии и социологии. № 1. С. 65–72.
- Согрин В. В. (2013) Рождение американской империи: 1898–1918 гг. Причины. Цели. Методы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 61–84.
- Спирин Л. М. (1987) Россия, 1917 г. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль.
- Тютюкин С. В. (2012) Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М.: РОССПЭН.
- Фельдман М. А. (2012) Была ли Октябрьская революция пролетарской? // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 112–120.
- Цимбаев К. Н. (2016) Историография Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 133–135.
- Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. (2015) Милюков. М.: Молодая гвардия.
- Чураков Д. О. (2004) Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917–1918 гг. М.: РОССПЭН.
- Чураков Д. О. (1998) Русская революция и рабочее самоуправление. М.: АИРО-XX.
- Шацилло К. Ф. (2000) От Портсмутского мира к Первой мировой войне. М.: РОССПЭН.
- Яров С. В. (2014) Человек перед лицом власти. 1917–1920. М.: РОССПЭН.

On the Eve of the Centenary of the October Revolution (Some Results of Historical Research)

M. FELDMAN*

*Feldman Mikhail – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 66,8th March str., Ekaterinburg, 620990. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Abstract

The article describes the main directions of the October revolution of 1917 in Russia historiography over the last decade. The author makes the conclusions about the nature and driving forces of the revolution. The author focuses on the development of mythological tendencies in modern historical literature. In the article positive changes in historiography October 1917 and the evidences of the leading role of the army in the events of the revolution are indicated. The author denies the proletarian character of the revolution in Russia and shows the relationship of uneven industrial and capitalist development of Russia's regions and the dynamics of the revolutionary events of autumn 1917. The author develops the thesis that the collapse of the Empire provoked the most primitive forms of social aggression in the most intricate shapes – from left radicalism to militant nationalism.

Keywords: historical science, the October revolution, Russia, socialism, the army, the proletarian, the national liberals.

REFERENCES

Airapetov O. R. (2003) *Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i na revolyutsiyu. (1907–1917)* [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working to the Front and to the Revolution (1907–1917)]. Moscow: Modest Kolerov, Tri kvadrata.

Airapetov O. R. (2014) *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). T. 1. 1914 god. Nachalo* [The Russian Empire Taking Part at the First World War (1914–1917), vol. 1. 1914. The Beginning]. Moscow: Izdatel'stvo KDU.

Airapetov O. R. (2015) *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917). T. 2. 1915 god. Apogey* [The Russian Empire Taking Part at the First World War (1914–1917), vol. 2. 1915. Apogee]. Moscow: Izdatel'stvo KDU.

Bul'dakov V. P. (2010) *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii 1917–1918 gg. Usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentarii, analiz* [Chaos and Ethnicity. Ethnic Conflicts in Russia in 1917 and 1918, the Conditions of Occurrence, Chronicle, Comments, Analysis]. Moscow: Novyy khronograf.

Bul'dakov V. P., Leont'eva T. G. (2015) *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu* [The War that Spawned the Revolution]. Moscow: Novyy khronograf.

Chernyavskiy G. I., Dubova L. L. (2015) *Milyukov*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Churakov D. O. (2004) *Revolutsiya, gosudarstvo, rabochiy protest: formy, dinamika i priroda massovykh vystupleniy rabochikh v sovetskoy Rossii. 1917–1918 gg.* [Revolution, the State, Workers' Protest: Forms, Dynamics and Nature of Mass Demonstrations of Workers in Soviet Russia. 1917–1918]. Moscow: ROSSPEN.

Churakov D. O. (1998) *Russkaya revolyutsiya i rabochie samoupravlenie* [The Russian Revolution and Workers Self-Government]. Moscow: AIRO-XX.

Fel'dman M. A. (2012) *Byla li Oktyabr'skaya revolyutsiya proletarskoy?* [Was the October Revolution Proletarian?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2012, no. 5, pp. 112–120.

Istoriya sovetskogo rabocheho klassa v shesti tomakh (1984). T. 1 [The History of the Soviet Working Class in six volumes. Vol. 1]. Moscow: Nauka.

Kerenskiy A. F. (2014) *Poteryannaya Rossiya* [Lost Russia]. Moscow: PROZA i K.

Materialy kruglogo stola "Rossiyskie revolyutsii: 90 let spustya". 23 i 30 oktyabrya 2007 g. v IRI RAN (2008) [Materials of the Round table "The Russian Revolution: 90 Years Later". 23 and 30 October 2007, the Iranian Academy of Sciences]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 167–211.

Medushevskiy A. N. (2013^a) *Fenomen bol'shevizma: logika revolyutsionnogo ekstremizma s pozitsiy kognitivnoy istorii* [The Phenomenon of Bolshevism: The Logic of Revolutionary Extremism from the Standpoint of Cognitive History]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 114–126.

- Medushevsky A. N. (2013^b) Fenomen bol'shevizma: logika revolyutsionnogo ekstremizma s pozitsiy kognitivnoy istorii [The Phenomenon of Bolshevism: The Logic of Revolutionary Extremism from the Standpoint of Cognitive History]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 111–120.
- Mironov B. N. (2013^a) Russkaya revolyutsiya 1917 goda kak pobochnyy produkt modernizatsii [The Russian Revolution of 1917 as a By-Product of Modernization]. *Sotsis*, no. 10, pp. 29–39.
- Mironov B. N. (2013^b) *Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii* [The Passions of the Revolution: Manners in Russian Historiography in the Age of Information]. Moscow: Ves' mir.
- Nikonov V. A. (2011) *Krushenie Rossii. 1917* [The Collapse Of Russia. 1917]. Moscow: AST.
- Pervaya mirovaya voyna: Istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat'. V 3-kh kn. Kn. 3. Vtoraya Otechestvennaya voyna* (2014) [The First World War: Historiographical Myths and Historical Memory. In 3 books. Book 3. The Second Patriotic War]. Moscow: Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy.
- Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiyskoe obshchestvo 1914–1918 gg.: V 4-kh tomakh. T.3. Liberal'nyy vzglyad na voynu. Cherez katastrofu k vozrozhdeniyu* (2014) [The First World War Contemporaries' Memories (2014): the Government and Russian Society 1914–1918. In 4 vols., vol. 3. The Liberal View of the War. Through Disaster to Recovery]. Moscow: ROSSPEN. 2014.
- Polikarpov V. V. (2008) *Ot Tsusimy k Fevralyu. Tsarizm i voennaya promyshlennost' v nachale XX veka* [From Tsushima to February. The Tsarist Government, and the Military Industry in the Early Twentieth Century]. Moscow: Indrik.
- Polikarpov V. V. (2015) *Russkaya voenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennyye zadachi i chastnye interesy* [Russian Military-Industrial Policy. 1914–1917. Public Tasks and Private Interests]. Moscow: Tsentropoligraf.
- Porshneva O. S. (2014) Evolyutsiya obshchestvennykh nastroyeniy v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [The Evolution of Public Sentiments in Russia During the First World War]. *Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914–1918: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentyabrya – 3 oktyabrya 2014 g.)* Moscow: IRI RAN.
- Postnikov S. P., Feldman M. A. (2009) *Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1914–1940 gg.* [Socio-Cultural Image of Industrial Workers in Russia in 1914–1940]. Moscow: ROSSPEN.
- Shatsillo K. F. (2000) *Ot Portsmutskogo mira k Pervoy mirovoy vojne* [From Portsmouth Peace Treaty to the First World War]. Moscow: ROSSPEN.
- Skorobogatkiy V. V. (2011) Institutsional'nye lovushki v politike [Institutional traps in politics]. *Voprosy politologii i sotsiologii*, no. 1, pp. 65–72.
- Sogrin V. V. (2013) Rozhdenie amerikanskoy imperii: 1898–1918 gg. Prichiny. Tseli. Metody [The Birth of the American Empire: 1898–1918. Reasons. Goal. Methods]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, pp. 61–84.
- Spirin L. M. (1987) *Rossiya 1917 g.: Iz istorii bor'by politicheskikh partiy* [Russia 1917: From the History of the Struggle of Political Parties]. Moscow: Mysl'.
- Tsimbaev K. N. (2016) Istoriografiya Noyabr'skoy revolyutsii 1918 g. v Germanii [Historiography of the German November Revolution 1918]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, pp. 133–135.
- Tyutyukin S. V. (2012) *Aleksandr Kerenskiy. Stranitsy politicheskoy biografii. (1905–1917 gg.)* [Alexander Kerensky. Pages of the Political Biography. (1905–1917)]. Moscow: ROSSPEN.
- Yarov S. V. (2014) *Chelovek pered litsom vlasti. 1917–1920.* [The Man in Front of Authority. 1917–1920]. Moscow: ROSSPEN.